

отношении этих процессов говоры Потисья отличаются большим своеобразием и Е. Горват впервые приводит их систематизированное описание. В одном случае она даже слишком увлеклась систематизацией, как нам кажется, и вследствие этого получилась не очень удачная вводная часть к разделу о метатезе (стр. 148).

В выводах перечислены черты, объединяющие венгерские говоры Потисья: 1) сильное *e*-канье, 2) наличие закрытых дифтонгов на месте долгих гласных среднего подъема, 3) сильное укорочение долгих гласных высокого подъема, 4) сильное *j*-канье, 5) частое выпадение согласного *l* в конце слога. Этот перечень вносит серьезные коррективы в более ранние представления о фонетических особенностях рассматриваемых говоров.

Результаты исследования Е. Горват могут быть использованы при изучении венгерской диалектологии и истории венгерского языка, а также при преподавании венгерских говоров Закарпатья на отделении венгерского языка и литературы Ужгородского государственного университета. Они войдут в «Общекарпатский диалектологический атлас», а также в словарь и лингвистический атлас венгерских говоров Закарпатья. Они представляют большой интерес и для изучения межъязыковых контактов в закарпатском ареале. Часть диссертации опу-

бликована (K. Horváth, A kárpátontúli magyar nyelvjárások magánhangzó-rendszere, Uzshorod 1976) и используется в качестве учебного пособия. Диссертацию следовало бы — после некоторого сокращения и стилистической доработки — опубликовать полностью: она нужна как специалистам, так и студентам, изучающим венгерскую филологию.

Приложение к диссертации содержит 41 карту с комментариями — целый атлас фонетических черт венгерских говоров Потисья. Все это выполнено на высоком методическом и техническом уровне. Приводятся тексты исследуемых говоров.

Диссертация Е. Горват — содержательное и законченное исследование. Она построена продуманно, таблицы наглядны, приведен обширный фактический материал. Автор отлично ориентируется в специальной литературе. Однако встречаются отдельные языковые и прочие погрешности, которые, правда, не умаляют научного значения диссертации.

Работа Е. Горват дает новое решение актуальной проблемы: описана фонетическая система малоизученных венгерских говоров Потисья, определено их место в системе говоров венгерского языка и установлено их подразделение на шесть групп.

АГО КЮННАП (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1978.4.16>

Ф. Т. Грачева, Фразеология марийского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1977.

19 декабря 1977 года перед Специализированным советом Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук при Тартуском государственном университете защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук преподаватель Марийского педагогического института Ф. Т. Грачева на тему «Фразеология марийского языка». Официальными оппонентами на защите выступили доктор филологических наук И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук П. Кокла (Таллин).

Фразеология привлекла внимание исследователя неслучайно. Несмотря на то что эта проблема частично рассматривалась в диссертации «Соматические фразеологизмы марийского языка» Э. С. Якимовой, она остается не решенной в марийском языкознании. В частности, до сих пор не решен окончательно один из принципиальных вопросов этой проблемы — о классификации фразеологизмов по степени спаянности компонентов. Вслед за русскими марийские лингвисты нередко оставляют вне поля зрения своеобразные

особенности марийских фразеологизмов или даже игнорируют их, бесосновательно группируя фразеологизмы по образцу русской классификации. Решение этого вопроса следует признать необходимым, исходя из потребностей преподавания марийского языка в вузах республики, составления словарей и т. п. В связи с этим важна и актуальна поднятая в диссертации тема, тем более что автор ее решает общие вопросы марийского фразеологизма, рассматривает его теоретические основы.

В работе анализируются фразеологизмы марийского языка с точки зрения их семантики, структуры, лексико-грамматического значения и происхождения. Особая глава посвящена характеристике сравнительных устойчивых оборотов. Введение содержит пространное рассуждение о природе марийских фразеологических оборотов. Исследование охватывает довольно широкий круг вопросов, относящихся к области устойчивых выражений марийского языка, и включает в основном все вопросы, требующие первоочередного решения. Убедительны характеристика основных признаков фразеологизмов и отграничение свободных словосочетаний от фразеологических единиц. Автор перечисляет целый ряд сочетаний, имеющих более или менее устойчивый характер, но не относящихся к фразеологизмам. Думается, что с таким отграничением в целом следует согласиться.

Вопрос о включении пословиц и поговорок в группу фразеологических единиц спорен. Отразилось это и в марийском языкознании. Авторы учебника по марийской лексикологии для вузов считают их фразеологизмами. Ф. Т. Грачева придерживается, и на наш взгляд — совершенно справедливо, противоположного мнения и убедительно обосновывает его (§ 77).

Автор исследования подробно изучила различные точки зрения на фразеологизмы, творчески использовала их в работе и, критически обобщив различные теории, выработала свою методику исследования.

Изучая особенности структуры и употребления марийских фразеологизмов, Ф. Т. Грачева проделала большую работу по выявлению, сбору и классификации устойчивых оборотов марийского языка. Для этого ей пришлось «прочесать» почти всю марийскую художественную литера-

туру, фольклорные и диалектологические записи, потому что до сих пор не только не было сконцентрированного материала, но и вообще мало что было известно о месте подобных речевых единиц в лексической системе марийского языка. В результате в картотеке автора накопился огромный материал — коллекция бесценного богатства народной мудрости и индивидуального мастерства. Этот материал автором подвергнут предварительной лексикографической обработке и выделены свыше 5 тыс. фразеологических единиц, составивших основу подготовленной ею рукописи фразеологического словаря марийского языка в объеме 1200 стр. машинописи. Таким образом исследование Ф. Т. Грачевой способствует как решению теоретических проблем марийского фразеологизма, так и удовлетворению практических нужд лексикологии и лексикографии.

Значительная часть работы (стр. 68—132) посвящена анализу структуры и лексико-грамматического значения марийских фразеологизмов. Здесь приводятся интересные наблюдения автора о строении марийских фразеологизмов, выявлен ряд особенностей устойчивых оборотов. Для доказательства Ф. Т. Грачева приводит много примеров. Однако в главе почему-то совершенно обойден еще один вопрос, связанный со строением фразеологизмов, — классификация фразеологических единиц с точки зрения спаянности компонентов. Именно здесь было бы целесообразно рассмотреть его. Нельзя сказать, что автор совершенно не затрагивает данную проблему. Некоторое отражение она нашла во вводной части исследования (стр. 9—11), однако этот вопрос, требующий в силу своей сложности особого рассмотрения, остался, к сожалению, лишь упомянутым. Кстати, автору следовало бы проявить в этом отношении большую самостоятельность суждения. Выделение трех типов фразеологизмов (фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания) в марийском языке (да и в русском) весьма условно, особенно различие фразеологических сращений и фразеологических единств. Думаю, что и автору будет трудно разграничивать эти два типа. И в этом нет ничего удивительного, ибо различие по названным двум типам действительно представляет для марийского языка боль-

шую трудность, потому что марийские фразеологизмы в этом отношении не укладываются в русские модели. Поэтому представляется более целесообразным и правильным все фразеологизмы марийского языка классифицировать по двум типам: первую группу, куда входят т. н. сращения и единства, можно назвать идиомами, вторую — фразеологическими сочетаниями. К последним, возможно, имеет смысл отнести и сравнительные устойчивые обороты.

Характеристике сравнительных устойчивых оборотов посвящена отдельная глава (стр. 133—152). Это правильно, ибо сравнительные устойчивые обороты — одна из особенностей марийского фразеологизма, один из своеобразных источников пополнения фразеологического фонда марийского языка. Подобные обороты рассматриваются в работе на уровне фразеологических единиц. Однако здесь необходимо соблюдать осторожность, так как не все сравнительные устойчивые обороты могут быть причислены к фразеологизмам. Пренебрегла осторожностью в некоторых местах и Ф. Т. Грачева — отдельные выражения подобного типа, на наш взгляд, неоправданно причислены к фразеологизмам, например, *юмо-суксо гай, шкалик гай, картинке гай, равы гань кужу, кышкар гай, шуар гай кижгё* и т. д. Подобные сочетания, нам кажется, представляют собой обычные сравнительные выражения, в которых чувствуется какая-то идиоматичность, но отсутствует один важный для фразеологизмов момент — метафоричность. Наконец, возникает вопрос: куда отнести сравнительные устойчивые обороты — к идиомам или фразеологическим сочетаниям? На этот вопрос тоже нет ответа.

Интересно написана глава о происхождении фразеологизмов марийского языка. Приведенные здесь сопоставления с материалом соседних языков, родственных и неродственных, большей частью убедительны. Верно отмечено, что целый ряд фразеологизмов относится ко времени финно-угорской общности. Затрагивается и в целом правильно трактуется вопрос о заимствованных фразеологизмах. Однако следует отметить, что некоторые этимологии автора вызывают сомнение. Автор бездоказательно утверждает, что «немало устойчивых словосочетаний, бытующих в

настоящее время с одинаковым или близким значением в том и другом языках, являются по происхождению чувашскими» (стр. 192). Почему близкие фразеологизмы обязательно должны быть чувашскими? Разве нельзя допустить параллельное развитие или даже обратное влияние? В какой-то мере влияние чувашского (точнее, болгарского) языка имело место, но сводить все общие моменты только к чувашизмам неверно, потому что для контактов, какие существовали между марийским и чувашским языками, не характерно такое положение. Не вызывает возражений и структура диссертации. Главы ее подразделены на параграфы, заключение обобщает весь материал и содержит вывод по работе. Почему-то вне поля зрения автора остался вопрос о месте фразеологизмов в марийском языке — интересный теоретический вопрос, раскрытие которого позволило бы с другой стороны посмотреть на лексическое богатство марийского языка.

Необходимо, однако, отметить ряд неточностей и упущений, вкравшихся в работу.

На стр. 7—8 приводятся признаки, отличающие двусловные фразеологические единицы от словосочетаний. Через страницу они повторяются, но называются уже условиями, позволяющими считать словосочетания фразеологизмами, причем «условия» здесь уже иные. Неверно само выражение одного из условий: «чтобы традиционное словосочетание выражало какое-то понятие». Напрашивается вопрос: разве существуют словосочетания, не выражающие понятия?

В диссертации в качестве иллюстративного материала приведено большое количество фразеологизмов. Фразеологичность подавляющего большинства не вызывает сомнения, тем не менее сочетания типа *шинчалан кончаш* (стр. 85), *шоңго ия* (стр. 71), *ласкан шўлалташ* (90), *шўрынат ом ончал* (стр. 93), *шотлен от ытаре* (стр. 71), *шинча ончылно* (стр. 117), *шинчам пыч ыштыде ончаш* (стр. 97) вряд ли можно считать фразеологизмами.

Требуется, по-видимому, осторожности включение в разряд фразеологизмов междометно-модальных словосочетаний и различных рифмованных выражений, которым посвящены специальные параграфы (§§ 60—61). Нам кажется проблематичным

рассмотрение их как фразеологических единиц. Междометно-модальные слова, безусловно, обладают экспрессивностью, но этого недостаточно для того, чтобы считать их фразеологизмами. Один из важных признаков фразеологического сочетания — выражение какого-либо целостного нерасчленимого понятия, часто соотносимого с отдельным словом. А что выражают такие сочетания, как *кјлеш вет, тото шол, ынде паша пыгыш, пеш кјлеш* и т. д.? Кроме модальности — ничего. То же относится к рифмованным выражениям. Приведенные в диссертации рифмованные образные выражения — это не что иное как поговорки, поговорки же автор не относит (и совершенно справедливо) к фразеологическим единицам.

На стр. 47 (§ 24) введен термин «двучленные и многочленные устойчивые выражения». По своему значению он идентичен с ранее употребленным термином «многозначные фразеологизмы» (стр. 30) и потому его следует считать терминологическим излишеством.

В работе употребляется устаревший термин «отрицательные частицы глагола» (стр. 95), тогда как в современном марийском языкознании справедливо говорят не об отрицательных частицах, а об отрицательной части глагола. Подобные неточности имеются и на стр. 103 (условно-согласительное наклонение), стр. 106 (*йымалке* — не наречие), стр. 137 (-ла- — не наречный суффикс).

Во введении подробно рассмотрено отличие фразеологизмов от сочетаний слов. Однако некоторые сочетания неоправданно исключены из состава фразеологизмов. Например, такие сочетания, как *мел шелеш, солькым пуаш, тувыртыш мешакым кудалташ, шорык печым чумен лектын* и т. д. имеют все признаки фразеологизмов — они образны, метафоричны, не свободны. Вопрос о том, что считать фразеологизмами в марийском языке, довольно сложен. Часть устойчивых сочетаний, по-видимому, находится еще на стадии идиоматизации, поэтому Ф. Т. Грачева при определении их испытывала значительные трудности.

В целом диссертация представляет собой квалифицированное исследование, является вкладом в марийское и финно-угорское языкознание. Она имеет несомненное практическое значение. Результаты исследования могут быть использованы в преподавательской работе, при составлении фразеологических и толковых словарей (к созданию которых приступает Марийский научно-исследовательский институт), они будут полезны студентам, учителям марийских школ, редакционно-издательским и творческим работникам. Хотелось бы в ближайшем будущем увидеть данную работу и составленный автором словарь опубликованными.

И. Г. ИВАНОВ (Йошкар-Ола)

Опечаток

с.	строка	напечатано	должно быть
304	3 снизу	<i>fiēnō</i>	<i>fiēnō</i>

Опéчаток

с.	строка	напечатано	должно быть
304	3 снизу	<i>fiēnō</i>	<i>fiēnō</i>